

Н е к р о л о г њ .

17 мая въ 7 часовъ пополудни, умеръ города Юхнова соборной, Казанской церкви священникъ *Василій Васильевичъ Ждановъ*, 46 лѣтъ отъ роду.

Отецъ его былъ діакonomъ села Новоселья, Духовщинскаго уѣзда, семья котораго состояла изъ семи душъ; по ограниченности средствъ отца, квартиры, во время своего обученія въ училищѣ и семинаріи, Василій Васильевичъ не могъ имѣть удовлетворительной, но это не мѣшало ему учиться хорошо. Кромѣ этого, онъ, какъ одаренный отъ природы прекраснымъ голосомъ — альтомъ, весьма долго состоялъ въ семинарскомъ хорѣ, но и это постороннее дѣло не имѣло неблагопріятнаго вліянія на его успѣхи. Василій Васильевичъ оставался всегда хорошимъ, прилежнымъ и благонравнымъ юношей. Семинарскій курсъ окончилъ онъ въ 1869

году въ числѣ учениковъ перваго пятка. Послѣ этого онъ поступилъ на уроки къ одному помѣщику въ уѣздъ, а 1 марта слѣдующаго 1870 года былъ рукоположенъ во священника въ село Никольское, Юхновскаго уѣзда. Первые шаги его въ этомъ званіи были очень счастливы. Въ 1871 году, Преосвященный Смоленскій Серафимъ, обозрѣвая епархію, имѣлъ въ его домѣ ночлегъ. Здѣсь онъ имѣлъ возможность узнать короче свящ. Жданова и сказалъ ему, что онъ переведетъ его на болѣе видное мѣсто. Въ 1872 году открылось въ Юхновѣ священническое мѣсто, и о. Василій получилъ предложеніе отъ Преосвященнаго проситься на сіе мѣсто, куда и былъ перемѣщенъ. Въ Юхновѣ о. Василій сталъ пользоваться особыми симпатіями всего городского общества и сдѣлался какъ-бы своимъ человѣкомъ во многихъ домахъ. Къ этому онъ былъ очень исполнителенъ по службѣ, скоръ, обходителенъ, — всѣ эти свойства создали ему такую популярность, что между гражданами зрѣла мысль писать Преосвященному Серафиму благодарность за отличнаго священника.

Преосвященный Серафимъ и самъ не упускалъ изъ вида о. Василя. И неоднократно, чрезъ мѣстнаго протоіерея Б--ча, давалъ ему разныя занятія и порученія. Плодомъ пастырскихъ трудовъ о. Василя было множество проповѣдей, имъ написанныхъ на разные случаи. Онъ былъ проповѣдникъ очень хорошій. Вообще его рука, мысль и весь онъ работалъ быстро, и всякое дѣло у него кипѣло. Его подвижностью, молодостью и покладливостью пользовались его старшіе сослуживцы, и за нихъ онъ работалъ очень много, хотя у него и своего дѣла было много: въ теченіе десяти лѣтъ онъ занималъ должность законоучителя въ прогимназій женской и съ 1877 г. до своей кончины состоялъ законоучителемъ въ городскомъ училищѣ. Его служба и неустанная работа давала ему права

на быстрыя награды, но жизнь не бывает всегда ровною и счастливою, дни свѣтлые и мрачные у всѣхъ чередуются, такъ было съ о. Василиемъ. Его ревность о благолѣпіи храма Божія никакъ не могла мириться съ тѣми порядками, какихъ держались бывшіе при немъ церковные старосты. Это породило между ними взаимные несогласія и раздоры. О. Василій былъ правъ, вновь избранное лицо на должность церковнаго старосты увеличило церковные доходы и украсило Юхновскій соборъ на столько, что онъ сталъ по благоустройству внутреннему и внѣшнему одною изъ лучшихъ церквей епархіи. Тѣмъ не менѣе на о. Василия сторонники прежнихъ старостъ стали жаловаться епархіальному начальству, какъ на человѣка не уживчиваго и склоннаго къ интригамъ. Такое о немъ мнѣніе, естественно, тяжело дѣйствовало на нравственную сторону о. Василия и породило въ немъ вмѣсто веселаго настроенія, мрачное состояніе духа. Въ послѣдніе годы о. Василій, правда, не испытывалъ ни отъ кого непріятностей и жилъ покойно. Въ 1891 году онъ получилъ камилавку, и эта награда значительно подняла его духъ. Затѣмъ въ 1892 году ему предлагалось мѣсто протоіерея въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ епархіи; но онъ уклонился отъ этого, частію по разстроенному здоровью и частію потому, что желалъ въ Юхновѣ дослужить до права на законоучительскую пенсію въ городскомъ училищѣ.

Разнообразные труды, а особенно его чрезмѣрная энергія въ занятіяхъ, наконецъ, сломили его здоровье. Въ его рѣчи и церковномъ служеніи стало дѣлаться замѣтнымъ заиканіе и причиняло ему большое затрудненіе при произношеніи возгласовъ и чтеніи молитвъ. При этомъ землистый цвѣтъ его лица сталъ показывать присутствіе въ немъ еще какой-то серьезной внутренней болѣзни, и онъ, дѣйствительно,

всегда жаловался на желудочныя страданія. За тѣмъ сказалась въ немъ еще болѣзнь, закупорка венъ на правой ногѣ. Всѣ эти болѣзни въ маѣ 1893 года такъ обострились, что о. Василій рѣшился ѣхать въ Москву къ спеціалистамъ врачамъ. Но въ какомъ угнетенномъ настроеніи духа онъ поѣхалъ въ Москву, въ такомъ же возвратился и изъ Москвы. Докторъ горловыхъ болѣзней, профессоръ Бѣляевъ, предлагалъ сдѣлать незначительную операцію, но больной не согласился изъ страха. Другой спеціалистъ нашелъ его ногу въ состояніи, трудно поддающемся излеченію. Этотъ приговоръ очень напугалъ о. Василю, который боялся остаться калѣкою навсегда.

Съ октября мѣсяца 1893 года о. Василій принужденъ былъ сидѣть дома; въ январѣ онъ пробовалъ служить, но вскорѣ убѣдился, что это ему не подъ силу. Затѣмъ онъ дѣлалъ попытку отправлять свои священническія обязанности: въ пятницу первой седмицы — онъ исповѣдывалъ въ церкви, а въ субботу участвовалъ въ служеніи литургіи, но послѣднюю едва состоялъ, и потомъ уже былъ безвыходно дома.

Между тѣмъ надежда на выздоровленіе не покидала его и тогда, когда болѣзненный процессъ шелъ *crescendo*. Изъ недѣли въ недѣлю онъ откладывалъ свою задуманную поѣздку въ Самарскую губернію на кумысное леченіе. Но вотъ 15 мая ему стало очень не хорошо, — былъ ударъ, послѣ чего онъ почти потерялъ способность говорить. Утромъ 16 мая я позванъ былъ къ нему. Видя безнадежность его положенія, я предложилъ ему исповѣдаться и приобщиться, хотя незадолго предъ симъ онъ исполнилъ и то и другое. Во время исповѣди о. Василій давалъ отвѣты легкимъ наклоненіемъ головы. Послѣ этого скоро началось и таинство елеосвященія. Во время совершенія его, о. Василій открывалъ иногда глаза,

и, видимо, былъ въ сознаниі, когда по окончаніи елеосвященія священно-служители стали прощаться съ нимъ.

Затѣмъ весь остатокъ дня 16 и 17 ч. онъ уже окончательно былъ безъ сознанія; въ 7 часовъ пополудни 17 числа удары церковнаго колокола разнесли по городу печальную вѣсть о смерти о. Василія. Едва лишь успѣли облачить его и положить на приготовленный одръ, толпы гражданъ обружили маленькій домикъ покойнаго для молитвы о немъ. Изъ селъ вызваны были два діакона въ помощь городскимъ священно-служителямъ для чтенія Евангелія при гробѣ умершаго. По причинѣ крайней тѣсноты въ домѣ о. Василія, признали за болѣе удобное вынести его въ церковь, и тамъ въ теченіе дня совершались три панихиды при многочисленномъ всякій разъ стеченіи молящихся. 20 числа въ восемь часовъ начался благовѣстъ къ литургіи, которую совершали пять священниковъ и три діакона, при пѣніи соборнаго хора пѣвчихъ. Чинъ погребенія совершали десять священниковъ и четыре діакона. Во время литургіи на „буди имя Господне“ сказалъ рѣчь Бѣльскій уѣздный благочинный священникъ Николай Смирновъ, въ которой, между прочимъ, говорилъ о пастырской ревности почившаго, его неустанномъ трудолюбіи, его состраданіи къ бѣднымъ, его щедрости и другихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ. На проводѣ послѣ второго Евангелія сказалъ рѣчь протоіерей Павелъ Заболотскій; а послѣ „Слава вышнихъ Богу“ — села Ольховъ священникъ Василій Соколовъ. При перенесеніи тѣла изъ соборнаго храма на кладбище былъ на лицо весь городъ. Для удовлетворенія просьбъ гражданъ — почитателей о. Василія, желавшихъ около своихъ домовъ отслужить панихиду, пришлось идти слишкомъ длиннымъ путемъ и долго, такъ какъ около каждаго дома, болѣе или менѣе достаточнаго, останавливалось шествіе и служилась вселенская панихида. Около

зданія городского училища послѣ панихиды одинъ изъ учениковъ произнесъ нижеслѣдующую рѣчь, ясно свидѣтельствующую о искренней любви къ покойному воспитаниковъ.

„Приспомятныи о. Василій! Внялъ ты нашему желанію, въ послѣдній разъ пришелъ къ намъ, но уже безмолвный и бездыханный. Не забылъ, что есть еще домъ, гдѣ сотня дѣтей раздѣляетъ скорбь своихъ родителей о тебѣ,—это городское училище, гдѣ твоею рукою уже много лѣтъ бросались сѣмена слова Божія на ниву дѣтскихъ сердецъ. На меня возложена обязанность, отъ имени моихъ сотоварищей, выразить у гроба твоего нашу неутѣшную скорбь о тебѣ. Мы не можемъ забыть твоихъ заботъ о лучшемъ усвоеніи нами уроковъ Божія Закона; не можемъ забыть твоей кротости и доступности въ обращеніи съ нами. Кто изъ насъ не видѣлъ случаевъ изумительнаго твоего терпѣнія! Въдъ наше усердіе къ дѣлу и вниманіе къ твоимъ требованіямъ было далеко не всегда выше упрека, и слово гнѣвное должно бы быть естественнымъ выраженіемъ твоего неодобренія, но твое мягкое и доброе сердце находило другіе пути до нашего чувства. Знаемъ отъ старшихъ нашихъ, что воспоминанія дѣтства для мужа зрѣлаго получаютъ особую сладость, а дѣтскія шалости въ послѣдствіи вызываютъ горькія сожалѣнія. Не минуетъ и насъ такое время; тогда твое добро станетъ намъ дороже, и преподанные намъ тобою уроки Закона Божія лучше сознаются нами, и ты, приспомятныи отецъ, встанешь предъ нами, какъ живой учитель пути Божію. Благодарныя чувства къ тебѣ пусть сохраняются въ душѣ нашей во всѣ дни нашей жизни. А нынѣ къ общей молитвѣ о тебѣ мы присоединяемъ и свою дѣтскую молитву: „упокой Господи душу твою во царствіи небесномъ“!

Гряди, незабвенный отецъ, съ миромъ въ путь, который указанъ тебѣ Богомъ.

Предъ опущеніемъ гроба въ могилу, сказалъ рѣчь священникъ Петръ Евѣимовъ, гдѣ главнымъ образомъ указано было на тѣ тяжелыя чувства, которыя пришлось перенести почившему во время его продолжительной и тяжелой болѣзни, на тѣ сердечныя страданія, которыя ощущалъ онъ всякій разъ, когда звонъ соборнаго колокола призывалъ и его и вѣрующихъ на общую молитву во храмъ, и особенно это чувство скорби было тягостно для о. Василія въ великіе праздники.

Съ такимъ торжествомъ граждане проводили о. Василія на мѣсто вѣчнаго покоя, выражая тѣмъ теплоту чувствъ къ нему за его добрыя свойства.

Да будетъ ему вѣчная память.

Протоіерей *Павель Заболотскій.*